

Электронный научно-образовательный журнал «История».
2013-2024

ISSN 2079-8784

URL - <http://history.jes.su>

Все права защищены

Выпуск 5 (139) Том 15 - Власть в Древней Руси и средневековом мире | Лояльность в Средние века и раннее Новое время. 2024

Новгородские посольства к Рюриковичам (по Новгородской первой летописи)

Лавренченко Мария Леонидовна

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

Ярославль

Аннотация: В статье рассматриваются новгородские посольства к представителям династии Рюриковичей по свидетельствам Новгородской первой летописи. Новгород как политическое общество активно взаимодействовал с правителями Руси, но, не имея возможности опереться на династические связи, выработал свой набор дипломатических инструментов. Как правило, посольство возглавлял посадник или архиепископ, число спутников могло варьироваться от нескольких человек до многолюдной делегации. Чаще всего целью поездки было приглашение князя на новгородский стол и его торжественное сопровождение в город. Нередко новгородцы организовывали миротворческие миссии в другие княжества или участвовали в решении вопросов, касавшихся иных земель Руси. Порой путешествие было связано с опасностями, чинимыми конкурентами, а самих послов могли задержать на длительное время в случае неудовлетворения условиями соглашения, их даже могли заставить сопровождать князя в военном походе на другое княжество, как это случилось с Мирошкой Нездиничем. Такие ситуации не сковывали полностью новгородскую политику, но останавливали горожан от отправления в дипломатическую миссию ключевых для города лиц, их заменяли представителями непосаднических семей. Можно выделить несколько кризисных политических ситуаций, когда архиепископ вовсе не фигурирует среди участников миссии. В посольстве могли участвовать тысяцкие или сотские, а также священники известных новгородских церквей и монастырей.

Abstract: The article focused on Novgorodian embassies to the members of the Rurik dynasty in the First Novgorodian Chronicle. Novgorod as a political community was in close connection with the rulers of Rus'; and because the city was unable to use dynasty relations in diplomatic

actions, it made its own instruments. As a rule, a Novgorodian embassy was led by a *posadnik* or an archbishop, and their retinue could be counted from a few persons to a large delegation. Most often the purpose of a Novgorodian embassy was to invite a prince to the Novgorodian throne and to accompany him with an honorary escort to the city. Sometimes Novgorodians sent peace missions to other lands of the medieval Rus' or participated in political disputes about its future. Novgorodian envoys often faced danger from competitors, and the diplomats themselves could be arrested for a long time if the conditions of a treaty became not appropriate for a political partner. Ambassadors could be even forced to accompany a prince in a military campaign as it happened to Miroshka Nezdinich. Such situations, however, had not completely paralyzed Novgorodian policy but stopped Novgorodians from sending persons which were crucially important for Novgorod in diplomatic missions; the city replaced them with the members of non-*posadnic* families. Several situations may be distinguished, when in circumstances politically hard for the Novgorod community the archbishop had not participated in embassies. Diplomatic mission also could be led by administrative persons such as *tysjatskie*, *sotskie* and priests of the important Novgorodian churches.

Ключевые слова: Великий Новгород, Новгородская земля, дипломатические практики, посольства, новгородское общество.

Keywords: Novgorod the Great, Novgorod Land, embassy practices, medieval envoys, Novgorod medieval society.

Дата публикации: 15.07.2024

Благодарности: Исследование выполнено за счет средств Программы стратегического академического лидерства "Приоритет-2030" ЯРГУ им. П.Г. Демидова, проект №GL-2023-2 «Европа и Русь: политические структуры, социальное развитие, культурное разнообразие в Древности и Средневековье»

Ссылка для цитирования:

Лавренченко М. Л. Новгородские посольства к Рюриковичам (по Новгородской первой летописи) // Электронный научно-образовательный журнал «История». –2024. – Т. 15. – Выпуск 5 (139). URL: <https://history.jes.su/s207987840031431-3-1/>. DOI: 10.18254/S207987840031431-3

Согласно летописным текстам, Новгород как политическое общество взаимодействовал с Рюриковичами на протяжении XII–XIII веков значительно более интенсивно, чем другие города, причем значительная часть этого общения осуществлялась посредством посольской деятельности¹. Если князья Руси пользовались исторически сложившимся набором дипломатических практик, в значительной мере основанном на

¹Новгородцы, выполнявшие роль послов – одни из наиболее часто упоминаемых лиц в Новгородской первой летописи. Guimon T. Historical Writing of Early Rus (c. 1000–c. 1400) in a Comparative Perspective. Leiden. Boston. 2021. P. 317–319.

династических отношениях², то городское общество Новгорода с расширением независимости и за неимением возможности опереться на семейные связи, сформировало собственные традиции. Поиск лица, подходящего для посольской миссии от имени городского общества, осложнялся еще и тем, что новгородские элиты не были едины, а отдельные семьи и группы могли проводить собственную политическую линию. Как княжеский посол мог выполнять довольно разнообразные задачи³, так и функции новгородских послов не сводились к приглашению определенного Рюриковича или его родственника на новгородский стол. Новгородская первая летопись (НПЛ) рассказывает о выполнении новгородцами миротворческих миссий в конфликтах других земель Руси⁴. упоминает о новгородцах-послах, находившихся, по всей видимости, продолжительное время в городах Владимирской, Полоцкой и Смоленской земель (по крайней мере, они были захвачены во время конфликта с Андреем Юрьевичем, т.е. находились там до его начала: «сълы изымаша новгородьскыя вьсьде»⁵), кроме того, новгородцы регулярно обменивались послами со скандинавскими странами и отказ от этой практики был отмечен автором как из ряда вон выходящее явление: «а на весну не пустиша из Новагорода своихъ ни одного мужа за море, ни съла вьдаша Варягомъ, нъ пустиша я без мира»⁶. Представители Новгорода участвовали в принятии решений, касавшихся самых разных политических вопросов средневековой Руси, сидели наравне с Рюриковичами в шатрах при участии в сменах (например: «и позва е Всѣволодь на обѣдь, и сѣдоша б князь вь шатрѣ, а Глѣбъ и Ольгъ у Всеволода вь шатрѣ, и новгородьци»⁷).

Учитывая внутренние конфликты, существовавшие между новгородскими элитами, подобрать представителя от лица всего города, который возглавил бы посольство, было непросто, и фигуры посадника и владыки были наилучшим решением, потому что каждый из них ранее так или иначе уже был принят на этой должности авторитетными новгородскими семьями. Согласно исследованиям Т.В. Гимона, именно новгородцы,

² Рюриковичи в своей дипломатической деятельности чаще всего опирались на родственные связи и отправляли в посольство младших братьев или сыновей. Например, Владимир Мстиславич ездил в Венгрию как представитель своего брата Изяслава Мстиславича (ПСРЛ. Т.2. Стб. 408). Кроме того, можно видеть, что нередко один дипломат «вел» одну политическую линию своего князя, например, боярин Изяслава Мстиславича, Петр Бориславич, сначала принимал крестное целование галицкого князя Владимира Володаревича, а затем ездил с обвинительной речью к этому правителю (ПСРЛ. Т.2. Стб. 461–462).

³ В т.ч.: передавал информацию, причем порой даже делал это скрытно (ПСРЛ. Т.2. Стб. 884), был свидетелем сказанных партнером своего правителя слов и представлял свою сторону при проведении обрядов, например, принимал крестоцелование (ПСРЛ. Т.2. Стб. 274, 365–366, 461–462).

⁴ НПЛ. С. 24.

⁵ НПЛ. С. 32.

⁶ НПЛ. С. 39.

⁷ НПЛ. С. 50.

занимавшие должность посадника, чаще всего упоминаются как официальные лица города, а посольства и другие официальные поездки чаще всего возглавляли владыка, посадник или тысяцкий⁸. НПЛ свидетельствует, что владыка довольно часто выполнял роль миротворца и во внутренних конфликтах новгородцев, а также при противостоянии городского сообщества и новгородского князя. Например, в 1219/20 (6727) году (запись под 1220/21 (6728) годом)⁹ новгородский князь Всеволод Мстиславич, не желая начинать военную фазу конфликта с новгородцами с Прусской улицы и Людина конца, посылает в качестве примирителя архиепископа Митрофана «со всѣми добрыми повѣстьми»; его миссия закончилась успехом: «и съвѣде и владыка въ любовь, и крестъ цѣлова и князь, и Твърдислав»¹⁰. Довольно часто политическая напряженность между новгородцами и Рюриковичами, прежде всего, их суздальской линией, делала дипломатическую миссию опасным мероприятием, что заставляло отправителей, наоборот, отказываться от снаряжения в посольство ключевых для Новгорода фигур¹¹. По наблюдениям Т.В. Гимона, в значительной части сообщений «в качестве послов выступают один или двое новгородцев», причем «чаще всего участники таких посольств называются по имени и отчеству, реже – только по имени», один посол назван по месту жительства («Гаврила на Лубяници»), в качестве дипломата мог быть отправлен священник, иеромонах, сотский¹². В начале XIII века число послов чаще всего три или шесть – по числу концов¹³.

Авторы Новгородской первой летописи уделяют особое внимание посольствам, их составу, сопутствующим обрядам, а также ритуальным действиям, если в посольство отправлялся епископ или другой высокопоставленный священник. Новгородский летописец был особо заинтересован в перформативной стороне отправления и встречи посольств, он показывал культуру взаимодействия и особые детали, свидетельствовавшие о настрое сторон. Например, рассказ о встрече Рюриковичами второго посольства татар и едкий ответ князей Руси на их предложение платить десятину: «олна насъ всѣхъ не будетъ, тоже все то ваше будетъ»¹⁴, напоминает античные повествования, написанные в рамках высокой риторической культуры, например приведенный Плутархом ответ спартанцев царю Филиппу: «καὶ πάλιν γράψαντος αὐτοῖς τοῦ Φιλίππου ἄν ἐμβάλω εἰς τὴν Λακωνικὴν, ἀναστάτους ὑμᾶς ποιήσω», ἀντέγραψαν ἄϊκα»¹⁵ («А когда на это написал им Филипп: «Вот

⁸ Гимон Т.В. В каких случаях имена новгородцев попадали на страницы летописи (XII–XIII вв.)? // Древнейшие государства Восточной Европы. 2004 г.: Политические институты Древней Руси. М. 2006, с. 304–305, 308–309.

⁹ Бережков Н.Г. Хронология русского летописания. М. 1963. С. 260–261.

¹⁰ НПЛ. С. 60.

¹¹ НПЛ. С. 33.

¹² Гимон Т.В. В каких случаях имена новгородцев попадали на страницы летописи (XII – XIII вв.)?... С. 309.

¹³ Там же. С. 310.

¹⁴ НПЛ. С. 74.

¹⁵ Plutarch. *Moralia*. Gregorius N. Bernardakis. Leipzig. Teubner. 1891. 3:17. p. 324.

вторгнись в Лаконику, всех вас изгоню!», отвечали ему: «Если»»)»¹⁶. Слова новгородских послов – «речи», переданные князьям, изобилуют богатыми образами, например, в послании новгородцев Юрию Всеволодичу статьи 1224 (6732) года: «паки ли твои мець, а наше головы»¹⁷.

Одной из первых миссий в Киев, упомянутых в НПЛ, было посольство Исаии, игумена Юрьева монастыря, к митрополиту. Оно представлено в тексте в форме краткой записи в статье под 1134/35 (6642) годом: «и иде Исаия игумень съломь Киеву»; следом автор сообщает о результате: «приде опять съ митрополитомь Михаиломь Новугороду, декабря въ 9»¹⁸. Очевидно, митрополит прибыл в Новгород для предотвращения военного похода новгородцев на Суздальское княжество («не ходите, мене Богъ послушаеть»), поэтому новгородцы задержали его в городе («а на Суждаль идуще, не пустиша его») и освободили только после битвы на Жданей горе 26 января 1135 года и заключения мира. Неизвестно, было ли приглашение митрополита в Новгород в период обострения суздальского конфликта инициативой самих горожан или же лидеров духовенства севера Руси, желавших предотвратить вооруженное столкновение и добиться мирного соглашения без пролития крови. Целью путешествия Исаии в Киев, согласно летописи, было почетное сопровождение митрополита, не говорится о каких-либо переговорах между митрополитом Михаилом и игуменом Исаией или передаче от одного другому особой информации. Свидетельство НПЛ о том, что новгородцы опасались отпускать митрополита Михаила до окончания битвы, указывает на его желание продолжить миротворческую миссию в Суздале, т.е. изначально его поездка мыслилась значительно более широкой с географической и политической точек зрения; тем интересней, что инициировал ее новгородский игумен Исаия.

Летописные записи того же периода свидетельствуют и о посольствах с целью установить мир между другими землями, которые предпринимали сами новгородцы. Так, в

¹⁶ Плутарх. Сочинения. Пер. М. Томашевской. М., 1983. С. 473.

¹⁷ НПЛ. С. 64. А.А. Гиппиус отметил, что появление героических, экспрессивных речей в НПЛ связано с рукой летописца, который начал работать в 6722 году и, по-видимому, ориентировался на образец Киевской летописи (КЛ), также изобилующей княжескими диалогами (Гиппиус А.А. Архиепископ Антоний, новгородское летописание и культ святой Софии // Хорошие дни... : Сборник памяти А. С. Хорошева. М., 2009. С. 183–184). Однако обращают на себя внимание многие черты прямой речи светских лиц НПЛ, сильно отличающие их от КЛ в т.ч. лаконичность и обрывочность. Летописец НПЛ часто приводит лишь фрагменты высказывания политического актора в общем повествовании, в то время как авторы КЛ оформляют их более обстоятельно: вводят словами «N рече...», показывают обращения, значительно более полно излагают сам текст послания, даже если он, по сути, повторяет предыдущее (например: ПСРЛ. Т.2. Стб. 364–366). Так что если «речи» КЛ и их фрагменты и были использованы как образцы диалогов НПЛ, то со значительными изменениями, очевидно, отражающими особый новгородский «торопящийся», лаконичный стиль.

¹⁸ НПЛ. С. 23.

статье 1135/36 (6643) года НПЛ описывается посредническая миссия новгородского посадника Мирослава в Киев и Чернигов, которая оказалась неуспешна: «ходи Мирославъ посадникъ из Новагорода мирить киянь съ черниговьци, и приде, не успевь ницто же»¹⁹. Следующую попытку предпринял уже новгородский владыка: «иде въ Русь архиепископъ Нифонтъ съ лучшими мужи». Нифонту удалось заключить мир: «заста кыяны съ черниговьци стояце противу себе, и множество вои; и божию волею съмиришася»²⁰. Любопытно, что новгородский летописец в сообщении об обеих миссиях говорит не о конфликте Рюриковичей, а делает упор на противостоянии жителей черниговской и киевской земель, примирения которых было необходимо достигнуть упомянутым медиаторам, хотя переговоры, очевидно, шли с представителями княжеской династии («Яропѣлкъ к собе зваше новъгородьце, а черниговьский князь к собе»²¹) и духовенством.

Следующая посольская миссия новгородского епископа записана под 1141/42 (6649) годом в НПЛ (в реальности события относятся к 1140/41 (6648)) году²². Она была ответом на посольство, приехавшее в Новгород от Всеволода Ольговича с требованием вернуть в Киев его брата Святослава и принять сына Всеволода, Святослава Всеволодича: «придоша ис Кыева от Всѣволода по брата Святослава вести Кыеву»²³. Новгородцы снаряжают в Киев епископа и значительное число представителей элит («послаша епископа по сына его, и много лепьшихъ людии»²⁴). Указание «по сына» показывает, что целью путешествия было торжественное сопровождение, т.е. епископ с видными представителями Новгорода выполняли скорее церемониальную, нежели дипломатическую функцию, однако намерение новгородцев задержать Святослава Ольговича до прихода Святослава Всеволодича свидетельствует о напряженности ситуации и сложности возложенных на дипломатов задач. После побега Святослава Ольговича, не выдержавшего ожидания, Всеволод задержал новгородских делегатов в Киеве: «разгнѣвася Всеволодъ, и прия слы вся, и епископа, и гость»²⁵. Пока переговоры с Всеволодом были на паузе, НПЛ сообщает о нескольких посольствах из Новгорода в Суздаль. Одно из них вернуло в Новгород изгнанных ранее сторонников Святослава Ольговича: «и призваша и-Суздаля Судилу, Нежату, Страшка», следующее – пригласило на новгородский стол Юрия: «и послаша по Гюргя, по князя, Суждалю»²⁶. Состав этих посольств не раскрывается летописцем, однако очевидно, что в

¹⁹ НПЛ. С. 23.

²⁰ Там же. С. 24.

²¹ Там же. С. 23.

²² Бережков Н.Г. Хронология русского летописания. С. 243.

²³ НПЛ. С. 26.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

него не входили ни епископ, находившийся на тот момент в Киеве, ни посадник, так как посадником стал возвращенный из Суздаля Судила.

В записи под следующим 1142/43 (6650) годом летописец свидетельствует о том, что епископ, послы, а также купцы из Новгорода все еще находятся в Киеве: «епископъ, и купце, и слы новгородскыя не пушаху из Руси»²⁷, здесь же говорится о том, что дипломатической целью посольства было получение вовсе не князя из линии Ольговичей, а сына Мстислава Великого, Святополка Мстиславича, на новгородский стол: «и они не хотяху иного князя, развѣ Святопѣлка». Переговоры оказались успешны, и Всеволод Ольгович «въда имъ Святопѣлка и-своею руку», что не понравилось, в свою очередь, Юрию Владимировичу, так как в Новгороде на тот момент правил его сын²⁸. В Новгород Святополка сопровождали указанные выше послы, говорится, что он шел «съ всѣми людьми ихъ»²⁹. Таким образом, результат посольства, задержавшегося на значительное время в Киеве, оказался положительным, а его участники выполняли как дипломатическую задачу, проводя переговоры с киевским князем с целью получения Святополка на новгородский стол, так и церемониальную функцию, торжественно сопровождая нового князя в Новгород.

Под 1148/49 (6656) годом НПЛ упоминает о миссии архиепископа Нифонта к Юрию Владимировичу в Суздаль с целью мирных переговоров («мира дѣля») ³⁰. Поездка подробно описана, в том числе говорится о том, что Нифонт освятил церковь Св. Богородицы «великымъ священиємъ», привел в порядок юридические отношения с новоторжцами и новгородскими купцами: «новотържцѣ всѣ выправи и гостьь всѣ цѣль». Несмотря на то, что соглашение не было достигнуто («мира не дасть»), взаимодействие Нифонта и Юрия (а также окружения князя) показано как дружелюбное, при встрече «приятъ и съ любовью Гюрги», а при проходах «посла съ цѣстию Новугороду»³¹.

Дипломатические миссии новгородцев второй трети XII века отличаются значительным разнообразием, среди них существенную часть составляют церковные дела, так, например, игумен Юрьева монастыря Дионисий едет в Киев в 1165/66 (6673) году с целью получения для владыки нового статуса архиепископа³², под 1172/73 (6680) годом говорится о поездке новгородского архиепископа Ильи к Андрею Юрьевичу в Владимир «на вьсю правьду»³³. Хотя подробности не раскрываются, вероятно, речь шла о каких-то

²⁷ Там же. Н.Г. Бережков относит ее к предыдущему году, т.к., по сути, она содержит повтор информации о задержании (Бережков Н.Г. Хронология русского летописания. С. 243.) Однако, форма глагола указывает на продолжительность действия ('все еще не отпускали'), так что это не обязательно так.

²⁸ НПЛ. С. 26.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. С. 28.

³¹ Там же.

³² Там же. С. 32.

³³ Там же. С. 34.

дополнительных соглашениях, т.к. в Новгороде уже находился сын Андрея, Юрий³⁴. Появляются сообщения о новгородских посольствах с более разнообразной социальной терминологией. Например, Ростислав Мстиславич, желая исправить конфликтную ситуацию и наладить отношения с Новгородом, приглашает его представителей в Великие Луки для заключения соглашения, среди них упоминаются «огнищане, гридь, купце вячьшее»³⁵ (статья 1166/67 (6674) года), но князь умирает, не успев примирить сыновей с новгородцами.

Столкнувшись с потенциальной опасностью длительного захвата послов, новгородское общество становится более осторожным в выборе человека на роль дипломата в политически напряженные моменты. Так, в описании упомянутого конфликта под 1167/68 (6675) годом показана ситуация, когда новгородцы отказались от взаимодействия с Ростиславичами. Святослав Ростиславич уезжает в Великие Луки, откуда ведет переговоры: «и присла вь Новьгородъ, яко “не хоцю у вась княжити”», однако новгородцы прогоняют его окончательно и посылают к Мстиславу Изяславичу с просьбой прислать на новгородский стол Романа Мстиславича («послаша вь Русь къ Мьстиславу по сынъ»³⁶). Святослав, а также Андрей Юрьевич с поддержкой смоленских и полоцких сил закрыли для новгородских послов пути для движения так, чтобы они не могли связаться с Мстиславом Изяславичем, также были задержаны новгородские представители в городах-партнерах: «и пути заяша, и сълы изьмаша новгородьскыя вьсьде, вести не дадуце Киеву къ Мьстиславу». Хотя новгородцы сумели наладить некоторые коммуникации («и налезоша собе путь на Вяцька и на Володаря³⁷»), к Мстиславу Изяславичу был отправлен не посадник и не владыка, а опытный в боях³⁸ воевода Даньслав Лазутинич, причем со своей дружиной: «и

³⁴ Янин В.Л. Новгородские посадники. М. 2003. С. 154.

³⁵ НПЛ. С. 32. Существует множество интерпретаций этих терминов, и наиболее дискутируемый вопрос – следует ли понимать эти группы как обозначение чисто новгородских социальных страт, или первые два термина обозначают людей новгородского князя. Если последнее справедливо, то кажется странным, что связанные с Рюриковичем участники переговоров могли представлять городское сообщество как политического актора. Исходя из этого приведенные термины связываются с чисто новгородскими социальными группами (Лукин П.В. Новгородское вече. М., 2014. С. 170–174, с обзором историографии). Однако именно близкие к князю люди могли выступать в роли медиаторов на переговорах с самим представителем династии, и даже были желательны в этой процедуре. Более вероятно, что приведенные летописцем слова имели в этот период широкий спектр значений и использовались в различных ситуациях, а их понимание варьировалось в зависимости от контекста. Ср. практически тот же перечень в НПЛ. С. 42.

³⁶ НПЛ. С.32

³⁷ Может быть, имеется в виду полоцкий князь Володарь Глебович, хотя полоцкие князья, очевидно, были на стороне Андрея против новгородцев.

³⁸ Затем летопись рассказывает о его походе за данью в Заволочье и участие в сражении с войском, отправленным против него Андреем Юрьевичем (НПЛ. С. 33). Заволочье было ключевой территорией в спорах между новгородцами и суздальскими князьями, а конфликты, связанные с ним, разворачиваются на протяжении более столетия (Фролов А.А. Административная система центральных районов Новгородской земли в начале X – начале XVII века в контексте истории территориальных юрисдикций // Историческая география. Т.2. / под ред. И.Г. Коноваловой. М. 2012. С. 131–134 и далее).

иде Даньславъ Лазутиницъ съ дружиною Киеву къ Мъстиславу по сынъ»³⁹, в то время как новгородцы с Якуном (который затем стал посадником) противостояли у Старой Руссы Святославу, возглавившему суздальские, смоленские и полоцкие войска. Посольство было успешным, хотя приход Романа Мстиславича произошел только в следующем 1168/69 (6676) году. Итак, военный статус человека, избираемого для посольства, служит показателем политической напряженности между Новгородом и соседними землями и близости боевых действий. Характерно, что и во время похода на Югру в 1193 (6701) году посольство в осажденный город также возглавлял новгородский воевода и предводитель похода Ядрей⁴⁰, которого сопровождали двенадцать «муж вячшихъ»⁴¹ и священник Иванко Леген – священник новгородского войска.

Одним из самых известных посольств Новгорода стала миссия посадника Мирошки Нездинича в 1195–1197 (6703–6705) годах, отправившегося к владимирскому князю Всеволоду Юрьевичу с отказом от Ярослава Владимировича и с просьбой о сыне для новгородского стола; среди сопровождающих посадника упоминаются два новгородца, в т.ч. сотский⁴²: «послаша новгородьци къ нему Мирошку посадника, и Бориса Жирославиця⁴³, Микифора съцькаго, просяче сына, а Ярослава негодующе»⁴⁴. Летописец сообщает о задержании Всеволодом упомянутых послов, а также Иванка и Фомы, очевидно, также участвовавших в дипломатической миссии: «И прия Всеволодь Мирошку, и Бориса, и Иванка, и Фому, и не пусти ихъ въ Новъгородъ, а самъ посла въ половьце»⁴⁵. Через некоторое время новгородцам удалось добиться освобождения Бориса и нескольких других послов: Всеволод «пустил... Бориса и иные муже с нимъ»⁴⁶ и горожане продолжают отправлять новые посольства с целью вернуть оставшихся, но безрезультатно: «слахуся новъгородьци къ Всѣволоду посадника дѣля Мирошке и Иванка, и Фомѣ». Задержание Мирошки Нездинича происходит в контексте военного конфликта суздальских князей с черниговскими; по всей видимости, именно неудовлетворенность действиями Ярослава Владимировича в походе заставила новгородцев отказаться от этого князя – первая делегация была отправлена из Торжка, еще до возвращения основного состава

³⁹ НПЛ. С. 32.

⁴⁰ О социальных и родственных связях Ядрея, отца Добрыни Ядрейковича: А.А. Гиппиус. Архиепископ Антоний... С. 191–192. Показательно, что в тексте упомянут именно его военный статус.

⁴¹ НПЛ. С. 41.

⁴² Вероятно, сотский был среди послов из-за того, что новгородское войско в момент командирования миссии еще не вернулось из похода.

⁴³ Сын посадника Жирослава, занимавшего эту должность в 1171–1175 гг. Гиппиус А.А. О нескольких персонажах новгородских берестяных грамот XII века // Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000). М. 2004. С. 178.

⁴⁴ НПЛ. С. 42.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

новгородского войска домой. При этом именно в поход на Чернигов («Всѣволодь иде на Чьрниговь») Всеволод забирает послов «посадника новгородскаго Мирошку, и Иванка, и Фому»⁴⁷, ставших теперь заложниками. Из летописного текста трудно заключить, зачем Всеволоду понадобилось присутствие Мирошки, Иванка и Фомы в походе против Чернигова, возможно это насильственное сопровождение было необходимо князю как символическое присутствие (ведь ранее он требовал от новгородцев участия в этой кампании), нельзя исключать и его желание унижить посадника и сопровождавших.

После примирения суздальского князя с новгородцами в Великих Луках и заключения соглашения о том, что они вольны выбирать себе князей «кде имъ любо» был отпущен Фома: «пусти Фому Новугороду, а Мирошке и Иванка не пусти». Новгородская политика не была парализована действиями Всеволода, город приглашает на стол соперника суздальских князей черниговского князя Ярополка Ярославича⁴⁸. Однако затем новгородцы вновь приглашают Ярослава Владимировича, причем уточняется, что идут «переднии мужи сътъскийи», и встреча носила весьма торжественный характер: «пояша Ярослава съ всѣю правдою и чьстью»⁴⁹. Только после того, как Ярослав «обуяся съ людьми, и добро все бысть», Всеволод отпускает Мирошку зимой 1197/98 года: «и Мирошка приде посадникъ, сѣдевь 2 лѣта за Новгородъ; и вси придоша неврежени ничимъ же; и ради быша Новегородѣ вси от мала и до велика»⁵⁰. А.А. Гиппиус предположил, что участвовавший в посольстве Иванко – боярин Неревского конца, упомянутый вместе с Мирошкой в берестяной грамоте №226, а состав посольства показывает представительство в нем двух важнейших концов – Людина (Мирошка и Борис) и Неревского (Фома и Иванко), а также делегата от «меньших» – сотского Микифора, причем Всеволод отпускает попеременно жителей каждого из концов, оставив под конец лишь Иванка и Мирошку, «продолжая таким образом сдерживать политическую активность новгородского боярства в целом»⁵¹. Идея «паритетного представительства» отдельных концов в этом посольстве затем была развита Т.В. Гимонном и дополнена наблюдениями над другими дипломатическими поездками⁵².

Этот эпизод в целом показывает высокую степень риска во время путешествия новгородских послов во Владимир и особую опасность выполнения этой миссии посадником, т.к. Мирошка был отпущен последним, фактически находясь два года при княжеском дворе в статусе заложника. Приведенный летописный текст свидетельствует и о

⁴⁷ НПЛ. С. 43.

⁴⁸ Янин В.Л. Новгородские посадники. С. 160.

⁴⁹ НПЛ. С. 43.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Гиппиус А.А. О нескольких персонажах новгородских берестяных грамот XII века... с. 178.

⁵² Гимон Т.В. В каких случаях имена новгородцев попадали на страницы летописи (XII–XIII вв.)? // Древнейшие государства Восточной Европы. 2004 г.: Политические институты Древней Руси. М. 2006, с. 309–310.

усилении тенденции отправлять в посольство сотских, выполнявших в обычное время административные функции⁵³. Описанная выше ситуация – не единственный случай в новгородской истории, когда горожане командировали новых послов для возвращения делегатов, отправленных ранее. При этом нахождение посадника Мирошки и сопровождавших его людей фактически в плену у владимирского князя отнюдь не останавливает новгородцев от отправления посольства в Чернигов для приглашения князя из конкурировавшей с Всеволодом линии династии, причем находившейся с ним в состоянии военного конфликта. Автор НПЛ до конца не проясняет точную цель задержания Мирошки Всеволодом, очевидно, он был арестован, чтобы обеспечить Ярославу Владимировичу дальнейшее новгородское правление, однако сообщение о этом действии окружено рассказом о конфликте владимирского князя с Черниговом, который мог стимулировать Всеволода к совершению более агрессивных действий. Однако летописец говорит и о том, что Новгород к моменту захвата посольства уже поддержал Всеволода: «новгородьци не отперешася ему, идоша съ княземъ Ярославъмъ огнищане, и гридьба, и купци»⁵⁴, причем сами новгородцы были недовольны именно действиями Ярослава Владимировича в конфликте. Однако автор летописи проявляет и очевидную симпатию черниговской стороне: «и поможе Богъ църниговьцемъ»⁵⁵, а последовавшее приглашение Ярополка Ярославича на новгородский стол показывает, что связи с черниговским княжеством у новгородцев были сильны, а авторитет Ярополка – высок, с чем, возможно, и связано их удаление с театра боевых действий Всеволодом.

Косвенно можно судить о том, что в действительности нахождение Мирошки Нездинича у Всеволода не было похоже на жестокое заточение, хотя летописец показывает его пребывание в качестве заложника именно как тяжелейшее страдание ради городского общества: «сѣдевь 2 лѣта за Новгородъ». Вероятно, в результате этого длительного пребывания во Владимире и при князе в походе, между Всеволодом и посадником сформировались доверительные отношения, так как уже в 1199 (6707) году Мирошка вновь поехал в качестве посла во Владимир в сопровождении епископа для приглашения сына Всеволода, Святослава Всеволодича, на новгородский стол. Впервые летопись указывает, что дипломаты были избраны самим владимирским князем: «Приславъ Всѣволодь, выведе Ярослава из Новагорода и веде и къ собе; а из Новагорода позва владыку и посадника Мирошку и вчши мужи по сынъ»⁵⁶. После того, как архиепископ скончался по дороге: «и

⁵³ Кучкин В.А. Ранние свидетельства о сотских и сотнях // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2006. № 1 (23). С. 10–23.

⁵⁴ НПЛ. С. 42.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же. С. 44.

яко быша на озѣре Серегери, преставися рабъ божи архепископъ новгородьскыи Мартурии мѣсяця августа в 24, на святого апостола Варфоломея»⁵⁷, посадник и его люди продолжили свой путь: «идоша людье съ посадникомъ и съ Михалкомъ къ Всѣволоду». Встреча имела торжественный характер: «и прия е съ великою честию» и увенчалась успехом: «и вда имь сынъ Святославъ». Любопытно, что здесь впервые сообщается о том, что сам Всеволод избрал для новгородцев нового владыку, хотя и с одобрения Мирошки: «а въ Новъгородъ, съдумаъ с посадникомъ, присла, и с съ новгородьци и въведе въ епискупию Митрофана, мужа богомъ избрана»⁵⁸.

Суздальская летопись показывает это событие в панегирических тонах с вниманием к ритуальной составляющей, спутники Мирошки Нездинича называются его «чадью», т.е. личной дружиной, соратниками, но при этом подчеркивается их принадлежность к высоким слоям элит с использованием термина «лѣпшии»: «тое же осени придоша Новгородци лѣпшиѣ мужи Мирошчина чадь»⁵⁹. Летописец однозначно показывает их подчиненное поведение: «с поклономъ и с молбою всего Новагорода», вкладывая в уста новгородцев довольно редкие для этого периода обращения «господин» и «князь великий»: «рекуще: “ты господинъ, князь великыи Всеволодъ Гюргевичъ” и указание на Новгород как на вотчину Всеволода: «зане тобѣ отчина и дѣдина Новъгородъ» – фразы, которые невозможно представить вышедшими из-под руки новгородского летописца. Но также Суздальская летопись говорит и о крестном целовании новгородцев Всеволоду: «оутвердивъ ихъ крѣстомъ чѣстнымъ на всеи своеи воли»⁶⁰, за чем, очевидно, стояло определенное политико-правовое соглашение, а также о ритуальной составляющей отправления новгородцев – благословении Святослава и новгородцев епископом Иоанном у Успенской церкви и проводами братьями князя: «Новгородци же пояша и оу чудное святое Богородици с радостию великою и с благословеньемъ епископа Иоана, иде Святославъ сынъ Всеволожь, внукъ Юргевъ княжить Новугороду месяца декабря въ 12 днь на память святого отца Спиридона. Братье же проводиша и с честию: Костянтинъ, Юрги, Ярославъ, Володимеръ, и бысть радость велика в градѣ Володимери»⁶¹. По-видимому, подробно показанные торжественные проводы Святослава Всеволодича в «отчину» в Новгород комплиментарны первой части этого рассказа, где Мирошка с сопровождающими показаны как акторы-просители, целующие крест к Всеволоду, а не партнеры, заключающие соглашение.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ ПСРЛ. Т.1. Стб. 415.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же. Стб. 416.

Наиболее тяжелым периодом в домонгольской истории новгородской дипломатии стали 1214–1216 годы, когда город столкнулся с жесткой политикой Ярослава Всеволодича. Под 1215/16 (6723) годом Новгородская первая летопись рассказывает о отправлении во Владимир посольства с приглашением Ярослава Всеволодовича на новгородский стол. Оно состояло из посадника, тысяцкого и десяти «купцов» – торговых представителей Новгорода: «новгородьци, много гадавьше, послаша по Ярослава по Всеволодица, по Гюргевь вьнукъ, Гюргя Иваньковиця посадника, и Якуна тысяцькаго, и купецъ старѣишихъ 10 мужъ»⁶². Ярослав приезжает в Новгород, но затем едет в Торжок с представителями основных новгородских семей, одаривает их и отпускает, что свидетельствует о достижении соглашения между князем и новгородскими элитами. Однако после сильных заморозков в Новгородской земле, не затронувших Торжка, князь перекрыл торговые пути в Новгород⁶³. Городское общество, испытывая значительные экономические трудности и видя отток населения, послало «по князя» целую делегацию, включавшую представителей посаднических семей: «Смена Борисовиця, Вячеслава Климятиця, Зубьця Якуна», которых князь тут же захватывает: «и тѣхъ прия»⁶⁴. Для их вызволения из Владимира новгородцы командировали новое посольство с просьбой о князе: «Новгородьци же, останьке живыхъ, послаша Гюргя Иванковиця посадника, и Степана Твърдиславиця, ины мужа по князя, и тѣхъ прия»⁶⁵. Возглавлявшие посольство посадник Юрий Иванович и Степан Твердиславич, сын прежнего посадника Твердислава Михалковича, были представителями посаднических родов, чья политика находилась в противостоянии между собой⁶⁶, поэтому указанный состав посольства должен был продемонстрировать консенсус сторон и единение в желании взаимодействовать с Ярославом; он же повышал и статус дипломатической миссии. На следующем этапе князь отправил в Новгород своих людей Ивора и Чапоноса, чтобы вывезти свою супругу, нахождение которой в городе до некоторой степени гарантировало мирный исход конфронтации. И все же новгородцы не только не захватили указанных княжеских людей, что было бы симметричным ответом на захват их послов, но и отправили третью миссию к Ярославу, которую возглавил Мануил Ягольчевич (Яглечевич⁶⁷) – человек, чей статус неизвестен и никак не поясняется летописцем, однако

⁶² НПЛ. С. 53.

⁶³ Там же. С. 54.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же. С. 54.

⁶⁶ Например, смена Гюргя Иванковича на Твердислава Михалковича после победы новгородцев с Мстиславом Мстиславичем в Липицкой битве, очевидно, носила политический характер (НПЛ. С. 57). А.А. Гиппиус и Т.В. Гимон подчеркивают их принадлежность к различным концам, что свидетельствует о паритетном представительстве посольства. (Гиппиус А.А. О нескольких персонажах новгородских берестяных грамот XII века... С. 179; Гимон Т.В. В каких случаях имена новгородцев попадали на страницы летописи (XII–XIII вв.)? С. 310).

⁶⁷ Там же. С. 253.

возложение на него миссии донесения до князя «последнего слова» показывает чрезвычайно высокое положение дипломата (это должен был быть кто-то, кого князь с наименьшей вероятностью осмелился бы арестовать): «и потомь послаша Мануилу Ягольчевича съ последнею речью»⁶⁸. Очевидно, Мануил Ягольчевич был светским лицом, т.к. летопись упоминает его отчество, но молчит о титуле. Имя Мануил широко известно в новгородской среде XII–XIV вв. (ср. берестяные грамоты № 542, 553, Торж. 2, 220, 535⁶⁹), причем оно было распространено не только в семьях элит, например, в берестяной грамоте № 358 упоминается посадничий Мануил (подразумевается «посадничий человек»), по интерпретации А.А. Зализняка, казенный курьер⁷⁰. Новгородцы предлагали Ярославу или вернуться в Новгород, или начать войну: «пойди въ свою отчину къ святѣи Софии, не идеши ли, а повежь ны». Ярослав «и тѣхъ не пусти», а кроме того, владимирский князь захватил остальных купцов, оставшихся на территории, подвластной ему: «а гость новьгородьскыи весь прия». Захват и этого посольства вызвал в Новгороде «печаль и выпль»⁷¹.

Как свидетельствует летопись, узнав о бедственном положении Новгорода, в него приехал Мстислав Мстиславич, но Ярослав в ответ на это отправил сотню новгородцев из Торжка с требованием, чтобы Мстислав покинул Новгород: «въсла 100 муж новгородьць Мьстислава проваживать из Новагорода»⁷², что говорит о том, что отношения городского общества (по крайней мере, определенной его части) с этим князем не были окончательно разорваны, и сам Ярослав продолжал диалог, хотя и в ультимативной форме. Предложение Ярослава было отринуту, и Мстислав остался новгородским князем, действуя с городским политическим обществом в рамках единой коалиции. Их первым совместным действием стало отправление нового посольства к Ярославу в Торжок. Князь и новгородцы снарядили на этот раз священника церкви Св. Иоанна на Опоках в сопровождении бояр Мстислава: «и посла князь Мьстиславъ съ новгородьци къ Ярославу на Тържькъ попа Гюргя святого Иоанна на Търговищи, и свои мужь пусти: “Сыну, кланяю ти ся; муж мой гость пусти, а самъ съ Торожьку поиди, а съ мною любовьъ възми”»⁷³. Любопытно, что был выбран священник церкви, принадлежавшей Ивановскому купечеству – новгородской торговой корпорации, державшей в своих руках торговлю медом, воском и другими товарами⁷⁴, обладавшей самым высоким уровнем влияния не только в городе, но и в княжеской среде,

⁶⁸ Там же. С. 54.

⁶⁹ Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. 2-е издание, переработанное с учетом материала находок 1995–2003 гг. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 456, 466, 487, 640.

⁷⁰ Там же. С. 550.

⁷¹ НПЛ. С. 54

⁷² Там же.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Мельникова Е.А. Ивановское купечество. Древняя Русь в Средневековом мире. Энциклопедия. М. 2014. С. 313.

и в соседних землях. Вероятно, этот священник был тесно связан с захваченными новгородцами; а в случае ареста людей Мстислава, сопровождавших его, Ярослав спровоцировал бы еще и личный конфликт с этим князем. Несмотря на принадлежность дипломата новгородской церкви, приведенное в летописи послание имеет частный характер. Мстислав в нем обращается к традиционному этикету Рюриковичей и использует термины родства, называя Ярослава, который приходился ему зятем (т.к. он был женат на дочери Мстислава), «сыном»⁷⁵. Суть послания сводится к предложению добровольно отпустить захваченных новгородцев и уйти из Торжка. Ярослав, хотя оставил его без ответа, не стал задерживать дипломата-священника: «пусти попь без мира»⁷⁶. Последний раз Мстислав и новгородцы отправили посольство с мирным предложением уже непосредственно перед Липицкой битвой, в качестве посла выступал сотский самого Мстислава – Ларион, однако и он не добился успеха⁷⁷. Таким образом, политический кризис 1215–1216 годов на севере Руси спровоцировал значительное расширение круга лиц, которые могли быть отправлены в посольство как представители Новгорода – в их число все чаще входят административные или военные люди, появляется фигура дипломата-священника церкви, принадлежавшей купеческому братству, а на архиепископа посольская функция в этот период не возлагалась.

После поражения Ярослава и Юрия Всеволодичей в Липицкой битве 1216 года, Новгород продолжил взаимодействие с владимирскими князьями, отдавая предпочтение последнему из братьев и договариваясь с ним о приглашении на новгородский стол родственников князя. В 1222/23 (6730) году в качестве послов во Владимир новгородцы вновь отправляют двух важнейших для городского общества лиц – епископа и посадника: «послаша владыку Митрофана, и посадника Иванка, и старѣишии мужи Володимирю къ Гюргю къ Всѣволодицю по сынъ»⁷⁸, таким образом, произошло возвращение к сложившимся в XII веке дипломатическим традициям.

После побега князя Всеволода Юрьевича из Новгорода, к Юрию Всеволодичу было отправлено посольство с просьбой прислать брата правителя – Ярослава Всеволодича. Согласно описанию летописи, оно также состояло из наиболее авторитетных лиц, впервые названных с использованием эпитета «старейшие»: «Тогда же новгородци послаша мужи старейшии къ Гюргю: «оже ти не угодно държати Новагорода сыномь, а въда ны брат» (статья 1222/23 (6730) года)⁷⁹. Под ними, очевидно, подразумеваются те же «лучшие» или

⁷⁵ НПЛ. С. 54.

⁷⁶ НПЛ. С. 55.

⁷⁷ НПЛ. С. 56.

⁷⁸ НПЛ. С. 60.

⁷⁹ Там же. С. 61. Н.Г. Бережков относит это сообщение к предыдущему году, т.к. налицо разрыв единого повествования датой.

«вячьшие мужи»⁸⁰, т.е. авторитетные представители новгородских элит. После ухода брата Юрия, Ярослава Всеволодича, из Новгорода в следующем году, новгородцы вновь «послаша къ Гюргю по сынъ», однако подробно особенности этого посольства не раскрываются.⁸¹ После очередного бегства Всеволода из Новгорода, НПЛ рассказывает о следующем посольстве к Юрию и другим владимирским князьям, собравшимся в Торжке в 1224/25 (6732) году: «И послаша новгородци къ Гюргю на Тържъкъ 2 мужа: «княже, пусти к намъ дѣтя...». На этот раз летописец также умалчивает о конкретных лицах, отправленных в миссию, но упоминает о ее незначительном количественном составе, что может свидетельствовать о напряженности отношений. После требования князя Новгороду выдать неугодных ему горожан эта напряженность переросла в ожидание конкретных боевых действий, и новгородцы отправляют еще одно посольство, в сообщении о котором указывается ее состав: «Новгородци же скопиша всю волость, а около города острогъ dospеша, а къ Гюргю послаша Полюда, Вячеслава Прокшиница, Иванка Ярышевица: “княже, кланяемъ ти ся, а братьи своей не выдаваемъ”»⁸², т.е. посольство было отправлено практически в военных условиях. Т.В. Гимон относит Полюда к боярству Людина конца, Иванко Ярышевича – Славенского, а Вячеслава Прокшинича – Неревского; таким образом, в посольстве был представлен паритет важнейших политических районов Новгорода⁸³. Три упомянутых новгородца не могут быть соотнесены с посадническими семьями этого периода, однако о семье Малышевичей, к которой принадлежал Вячеслав Прокшинич, НПЛ сообщает неоднократно. Согласно исследованиям Т.В. Гимона, Малышевичи относились к элите новгородского общества, были очень близки епископу и его двору, при этом никогда не становились посадниками⁸⁴. Информация о Малышевичах появляется в летописи в большинстве случаев именно в связи с посольствами, очевидно, они избирались на эту роль не случайно. Являясь представителями влиятельного боярского рода, они выполняли функции послов в моменты, когда новгородцы избегали отправления в дипломатическую миссию посадника или владыки, что говорит о их особых способностях на этом поприще, чему, возможно, соответствовали личные связи или статус, близкий духовным лицам, т.е. дипломатическая деятельность для этого семейства становится на определенный период своего рода традиционным почетным занятием. Посольство Вячеслава, Полюда и Иванка благополучно возвращается в Новгород, который был уже готов к военной обороне, в

⁸⁰ НПЛ. С. 24, 41.

⁸¹ Там же. С. 61.

⁸² Там же. С. 64.

⁸³ Гимон Т.В. В каких случаях имена новгородцев попадали на страницы летописи (XII–XIII вв.)? С. 311–312.

⁸⁴ Гимон Т.В. Летописные данные о новгородском семействе Малышевичей: Конец XII – первая половина XIII в. //Столичные и периферийные города Руси и России в средние века и раннее новое время (XI–XVIII вв.). Докл. второй науч. конф. (Москва, 7–8 декабря 1999 г.). М., 2001. С. 187–196.

сопровождении послов самого князя Юрия: «князь же Гюрги съ нашими мужи мужь свои присла, Романа тысячьского и Михайловъ», т.е. посла князя Михаила, которого Юрий предлагает новгородцам принять в качестве своего правителя, выступая как посредник⁸⁵.

Дипломатическое взаимодействие новгородцев с черниговским князем Михаилом Всеволодичем в 1229/30 (6737) году характеризуется полным отсутствием в составе посольских миссий посадника и архиепископа. Чаще всего летописец упоминает послов по именам и описывает трудности, с которыми они сталкиваются в пути. Так, первое посольство к Михаилу было захвачено в Смоленске: «...и послаша по Михаила въ Цѣрниговъ Хота Станимировица, Гаврилу с Любяници, и быша Смоленскѣ, и не пусти их князь Смольньскыи... и увѣдавъ Михаль, яко прияти суть послы новгородьстии въ Смоленскѣ...»⁸⁶

Среди новгородцев, вновь отправленных в посольство к владимирскому князю Ярославу Всеволодичу, упомянут еще один представитель семейства Прокшиничей: «и посла къ Ярославу Нездилу Прокшиница, Иванка Тудорковица». Эта миссия также характеризуется как опасная, так как послы были захвачены в Владимире на месяцы: «... и държа послы все лѣто»⁸⁷. В целом, период 1220-х показывает резкий отход от практики отправления в посольство к представителю династии Рюриковичей (будь то черниговский или владимирский правитель) архиепископа или посадника. Эту роль берут на себя другие новгородцы, со всей очевидностью, готовые (насколько это было возможно) рискнуть тем, чтобы оказаться в плену на длительное время, и среди них выделяется влиятельное семейство Прокшиничей, для которых посольская деятельность на определенный период становится регулярной⁸⁸; в составе миссий часто фигурируют сотские – вероятно также по причине опасности путешествия. Упоминание в миссиях нескольких новгородцев имело и социально-политический контекст. Так, Т.В. Гимон отмечает, что первая половина XIII века характеризуется значительными изменениями в новгородской дипломатии, когда вместо одного посадника город отправляет в посольство двух-трех или более членов семей наиболее могущественных боярских кланов – чтобы тем самым и князю показать единство Новгорода, и равномерно распределить связанные с посольством риски⁸⁹.

⁸⁵ НПЛ. С. 64.

⁸⁶ Там же. С. 67. Конец статьи 6736 года.

⁸⁷ НПЛ С. 68.

⁸⁸ Любопытно, что в XII веке в Новгородской первой летописи упоминаются и другие новгородцы, для которых эта деятельность выглядит постоянной, приближаясь к профессиональному делу, так, в конце 1260 – начале 1270 новгородские посольства регулярно возглавляет Лазарь Моисеевич, который фигурирует в дипломатических миссиях трижды. Гимон Т.В. В каких случаях имена новгородцев попадали на страницы летописи (XII–XIII вв.)? С. 309–310.

⁸⁹ Там же.

Новый этап взаимодействия новгородского общества с владимирскими князьями наступает в эпоху правления князя Александра Ярославича. В 1255/56 (6763) году новгородцы посылают к Александру «владыку и Клима тысяцкого», однако их предложения были приняты не сразу и не полностью «не послуша князь молбы владычни и Климовы»⁹⁰. Под 1269/70 (6777) годом НПЛ упоминает архиепископа, возглавлявшего посольство к Ярославу Ярославичу: «и послаша владыку с вятшими мужи с молбою, и вспятиша его...»⁹¹, а в статье 1281/82 (6789) года говорится о том, что архиепископ Климент едет с дипломатической миссией к князю Дмитрию Александровичу: «Заратися князь Дмитрии с новгородци; новгородци же послаша владыку с молбою, и не слуша и»⁹². Таким образом, начиная с 1240-х годов дипломатические практики Великого Новгорода вновь выстраиваются вокруг фигуры новгородского владыки – он часто возглавляет посольства к князьям, и именно он обращается к ним с предложением от лица новгородцев. В этот период среди участников миссии более не упоминается посадник, вместо него все чаще фигурирует тысяцкий.

Взаимодействие с династией Рюриковичей было важным аспектом политики Новгорода и имело свой наработанный инструментарий, отдельные практики которого использовались в зависимости от специфики дипломатической ситуации. С одной стороны, наиболее авторитетные лица – архиепископ и посадник – были наилучшим выбором для представительства Новгорода. Их фигуры уже прошли одобрение новгородских элит при избрании и свидетельствовали о предварительном консенсусе отдельных политических сил в Новгороде, а кроме того, их авторитет был значительно выше остальных политических акторов города. Дипломатические задачи, осуществлявшиеся архиепископом и посадником, были весьма широки и не ограничивались лишь продвижением новгородских интересов, они возглавляли миротворческие переговоры, принимали участие в сменах, решавших судьбы даже отдаленных земель. С самого начала самостоятельной политической деятельности Новгород столкнулся с негативным последствием участия наиболее авторитетных лиц города в дипломатической миссии – их захватом и задержанием. Этот отрицательный опыт вынудил новгородское сообщество отправлять в посольство в условиях особой опасности военных людей. В течение тяжелых конфликтов 1215 – конца 1220-х годов посольскую деятельность осуществляли светские лица, не относившиеся к посадническим родам, причем среди них также прослеживается определенная преемственность – часто такую функцию выполняли представители семейства

⁹⁰ НПЛ. С. 81.

⁹¹ Там же. С. 319

⁹² Там же. С. 324.

Прокшиничей, связанных с архиепископом и обладавших высоким статусом. Хотя в первой половине XIII века новгородцы опасались отправлять в посольство владыку, появляются случаи, когда его возглавляло другое духовное лицо – священник церкви Иоанна на Опоках, который, с одной стороны, был непосредственно связан с вовлеченными в конфликт и захваченными владимирским князем новгородцами, с другой стороны, обладал высоким авторитетом как духовное лицо, что давало ему определенные гарантии безопасности в случае захвата. Как свидетельствуют детали дипломатических миссий XII века, осуществление подобных поездок входило в обязанности именно духовенства. В особо сложных и опасных ситуациях посольства возглавляли лица, находившиеся на административных должностях – сотские и тысяцкие, причем последние заменяют посадников в роли послов с конца первой половины XIII века.

Как показывают летописные эпизоды, именно глава посольства держал речь от лица Новгорода и возвращался с ответом, который, как и слова представителей династии и иных новгородских партнеров, озвучивались на вече. НПЛ порой уделяет внимание и другим участникам посольства. Их число могло варьироваться от двух до ста человек и летописец неоднократно подчеркивает их высокий социальный уровень – это «вятьшие», «лучшие», «стареишие» мужи, а также «купцы». Их значительное число повышало престиж посольства, а ограниченный состав, наоборот, показывал тяжесть политической ситуации. Кроме того, участники могли иметь собственные дела и связи в пункте назначения, что расширяло политическую сферу их деятельности и компетенции духовными, торговыми и другими аспектами взаимодействия.

Библиография

1. Бережков Н.Г. Хронология русского летописания. М.: АН СССР. 1963. 376 с.
2. Гимон Т.В. Летописные данные о новгородском семействе Малышевичей: Конец XII – первая половина XIII в. //Столичные и периферийные города Руси и России в средние века и раннее новое время (XI–XVIII вв.). Докл. второй науч. конф. (Москва, 7–8 декабря 1999 г). М., 2001. С. 187–196.
3. Гимон Т.В. В каких случаях имена новгородцев попадали на страницы летописи (XII–XIII вв.)? // Древнейшие государства Восточной Европы. 2004 г.: Политические институты Древней Руси. М. 2006, С. 291–333.
4. Гиппиус А.А. О нескольких персонажах новгородских берестяных грамот XII века // Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000). М.: Русские словари. 2004, С. 164–182.
5. Гиппиус А.А. Архиепископ Антоний, новгородское летописание и культ святой Софии // Хорошие дни... : Сборник памяти А. С. Хорошева. М., 2009. С. 181–198.
6. Древняя Русь в Средневековом мире. Энциклопедия. М.: Ладомир. 2014. 989 с.
7. Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. 2-е издание, переработанное с учетом материала находок 1995–2003 гг. М.: Языки славянской культуры, 2004. 872 с.
8. Лукин П.В. Новгородское вече. М.: Индрик, 2014. 607 с.

9. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А.Н. Насонова. М.; Л.: АН СССР, 1950. 642 с.
10. Плутарх. Сочинения. Пер. М. Томашевской. М., 1983. 407 с.
11. Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1997. 496 с.
12. Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1998. 648 с.
13. Фролов А.А. Административная система центральных районов Новгородской земли в начале X – начале XVII века в контексте истории территориальных юрисдикций // Историческая география. Т.2. / под ред. И.Г. Коноваловой. М.: Круг, 2012. С. 110–154.
14. Янин В.Л. Новгородские посадники. М.: Языки славянской культуры, 2003. 512 с.
15. Guimon T. Historical Writing of Early Rus (c. 1000–c. 1400) in a Comparative Perspective. Leiden. Boston. 2021. 477 p.
16. Plutarch. Moralia. Gregorius N. Bernardakis. Leipzig. Teubner